

Скандал как разновидность политического нарратива в личной дипломатии Н.С. Хрущева

В статье сделан анализ одного из основных видов политического нарратива в личной дипломатии Н.С. Хрущева – скандала. На нескольких примерах резонансных международных событий, в которых главную роль играл Н.С. Хрущев, продемонстрированы отличительные черты и поведенческие приемы советского лидера, служащие индикаторами такого сложного коммуникативного события, как скандал. Автором делается вывод об определенной степени управляемости скандалом со стороны Н.С. Хрущева.

Ключевые слова: Н.С. Хрущев, дипломатия, политический нарратив, скандал, политическая коммуникация, культурно-исторический код.

Политический нарратив предполагает наличие некоего политического события, вокруг которого сосредоточена «совокупность дискурсных образований разных жанров»¹. Другими словами, политический нарратив состоит из общности разножанровых политических текстов, приуроченных к конкретному политическому событию.

Ученые-лингвисты выделяют такие виды политического нарратива, как избирательная кампания, политический скандал, дебаты по определенной теме (М.Ю. Кочкин, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и другие).

Е.И. Шейгал представляет скандал как разновидность конфликтного общения, как «сложное коммуникативное событие, включающее тексты разных жанров, объединенные... неким действием или событием, нарушающим этические нормы и, в силу определенных причин, становящимся достоянием гласности»².

В рамках данной статьи рассмотрим жанр скандала как вид политического нарратива в личной дипломатии Н.С. Хрущева.

Непростая и противоречивая натура Никиты Сергеевича требовала выражения не только в рамках принятых норм поведения, но и далеко за ними. Однако такая экспрессия и зачастую бескультурность были элементами политического стиля Хрущева и продуманной линии поведения.

Скандалом будем считать коммуникационный акт Н.С. Хрущева, намеренно направленный на возникновение конфликта и имеющий целью провокацию и манипулирование другими участниками акта, повлекший за собой широкий общественный резонанс.

В качестве примеров таких скандалов выберем следующие:

1) «кухонные дебаты» Р. Никсона и Н.С. Хрущева 24 июля 1959 г.;

2) срыв «встречи на высшем уровне» в Париже в мае 1960 г.;

3) выступление Н.С. Хрущева на Генеральной Ассамблее ООН в октябре 1960 г.

Знаменитый «спор на кухне» описан с мельчайшими деталями многими исследователями и биографами Н.С. Хрущева.

Напомним, что официальный визит Р. Никсона в Москве – с 23 июля по 2 августа 1959 г. – расценивался как подготовка к приезду Н.С. Хрущева в США осенью того же года. Поэтому каждый свой эмоциональный всплеск советский лидер оправдывал: «Пусть президент знает, с кем ему предстоит иметь дело»³.

Несомненно, для Хрущева это был очередной шанс «похвастаться» перед Америкой своими достижениями, принизить значение заокеанских разработок и укрепить свой авторитет на международно-политическом поле: его он не мог упустить.

Отметим, что «кухонный спор» случился после инцидента на Даниловском рынке: Хрущеву не терпелось дать ответ этому американцу, вздумавшему «раздавать деньги на улицах».

Никсон также был «взвинчен». По словам У. Таубмана, тот был готов к нападкам и угрозам Хрущева и не хотел ввязываться в полемику⁴. Однако схожие черты характера двух политиков – чувствительность к малейшим знакам неуважения, нежелание отступать от своих позиций – послужили в итоге катализатором «скандала».

Хрущев ринулся в бой. При каждом удобном случае советский лидер высмеивал изобретения американцев, разоблачал их «пропагандистскую сущность», подчеркивал превосходство СССР, не отказывая себе в удовольствии «поугрожать» «кузькиной матерью».

По воспоминаниям Сергея Хрущева, беседа превратилась в пикирование двух приятелей, не способных ни в чем сойтись. Такой

«диалог» достиг апогея на классической «американской кухне», где полемика затронула не только кухонные проблемы, но и различные аспекты американо-советских отношений⁵.

Хрущев по традиции не стеснялся в выражениях и жестах. Размахивал руками, тыкал пальцем в грудь Никсону, вместо обычного рукопожатия отбивал ладонью его ладонь для усиления эффекта.

Вдоволь наговорившись и наспорившись, каждый из оппонентов остался «удовлетворенный собой, тем, какую он задал взбучку [другому]»⁶.

Можно выделить несколько отличительных черт манеры поведения Хрущева на «кухонных дебатах», тяготеющих к скандалу:

1) эмоциональные всплески, постепенное «распадение», повышение голоса, чрезмерная жестикуляция;

2) угрозы, использование неприличных/вульгарных выражений, постоянные словесные атаки, настаивание на своей правоте;

3) использование дискуссии как средства пропаганды социалистического образа жизни, создания соответствующего образа у США – оппонента в ходе предстоящего визита.

В целом «кухонные дебаты» стали одной из многочисленных провокаций Хрущева на международной арене.

По словам С.Н. Хрущева, его отец очень многое связывал с майским саммитом 1960 г., а особенно с последующим планируемым визитом Эйзенхауэра в СССР.

С января 1960 г. работники МИД СССР вели кропотливую работу по подготовке материалов к совещанию «в верхах» в Париже⁷.

Особенное внимание уделялось личным контактам советского премьера с американским президентом. Предполагалось разработать совместную декларацию, «в которой, в частности, были бы подведены некоторые положительные итоги личных контактов»⁸. Такая декларация стала бы подходящим завершением отношений «на высшем уровне» между Хрущевым и Эйзенхауэром в свете скорого истечения срока президентства последнего.

На фоне такой обстоятельной подготовки к совещанию на высшем уровне инцидент с американским самолетом-разведчиком действительно выглядит большой неожиданностью.

Особого внимания заслуживает не сам инцидент, а реакция на него Хрущева. Можно хронологически проследить наращивание накала его «скандала».

По свидетельствам очевидцев, уже 1 мая (в день инцидента) 1960 г. советский премьер заметил, что данное происшествие «может послужить причиной срыва конференции в Париже»⁹. С этого

момента началось раскручивание скандала, апогей которого наступил 16 мая.

Зал заседаний Верховного Совета СССР превратился 5 мая в «сумасшедший дом». Никита Сергеевич клеймил США, обвиняя их во всех смертных грехах. Однако, как справедливо отмечают исследователи, на тот момент он осознанно оставлял Эйзенхауэру место для маневра, открыто не обвиняя лично его в случившемся.

9 мая Хрущев продолжил атаку. Главной темой приема в чехословацком посольстве также стало случившееся 1 мая. Н.С. Хрущев перешел к открытым провокациям: на тот момент правящие круги США еще не знали, что пилот У-2 в руках Советского Союза, и продолжали давать все новые и новые опровержения. Эта игра с Госдепом, казалось, не затронет лично президента США, и «встреча вне опасности»¹⁰.

10 мая на стихийной пресс-конференции в парке Горького Хрущев вновь заклеил «бесстыдную» политику Госдепа США. Складывалось впечатление, что «Хрущев ведет диалог с самим собой, как бы стараясь отговорить себя от участия в саммите»¹¹.

Несмотря на накал страстей и пыл «праведного гнева», Хрущев продолжал готовиться к встрече – «отчасти и потому, что отмена саммита стала бы провалом политики, которую он проводил уже несколько лет»¹².

Об этом свидетельствуют архивные документы. Так, 6 мая была подготовлена памятка по обмену мнениями с делегацией США в Париже. Предлагалось поставить перед Эйзенхауэром «вопрос о прекращении нарушений американскими военными самолетами государственной границы СССР»¹³.

Уже 11 мая, после официальных заявлений Госдепа США о признании разведывательных полетов над СССР и санкционировании этого самим президентом, Н.С. Хрущев намеками начал давать понять, «что в Советском Союзе не будут приветствовать приезд Эйзенхауэра и что его придется отменить»¹⁴.

Однако, если верить документам МИД, визит Эйзенхауэра продолжал скрупулезно планироваться: например, составлялась служебная записка от 9 мая на имя А.Ф. Добрынина, к которой прилагался перечень вопросов, по которым можно было бы выступить в ответ на возможные заявления Эйзенхауэра во время его пребывания в СССР¹⁵.

Следовательно, если Хрущев и думал об отмене парижского саммита и визита Эйзенхауэра, то лишь под воздействием импульса: нарушение советского воздушного пространства 1 мая 1960 г. накануне важного и столь ожидаемого совещания на высшем

уровне стало «наглым оскорблением», «плевком в лицо». К тому же, по воспоминаниям С.Н. Хрущева, с появлением более мощных средств обнаружения и уничтожения самолетов-разведчиков Никита Сергеевич только и ждал нового случая: «Таких наглецов надо учить, и учить кулаками. Пусть только попробуют еще раз сунуть сюда нос!».

В конечном итоге исход саммита был определен уже в аэропорту и на борту самолета. Хрущев открыто говорил, что конференция закончится провалом.

16 мая встреча «в верхах» началась без взаимных приветствий и рукопожатий, что уже само по себе было недобрый знаком.

Эффект разорвавшейся бомбы произвела речь Хрущева. Отметим, что декларация, зачитанная Хрущевым в этот день (подготовленная буквально «на коленках» на пути в Париж), была именно зачитана оратором. Хрущев осознанно отошел от привычной манеры выступления – без бумажки, экспромтом: для него данное заявление было крайне важным, и он хотел, чтобы каждая строчка, каждая буква была донесена до адресата правильно.

Повышенный голос, активная жестикуляция, дрожание рук – все говорило о крайней степени взволнованности советского премьера.

Заявлением Хрущева и кратким ответом Эйзенхауэра встреча завершилась: «...все, не произнося ни слова, покинули зал. Этот случай, возможно, уникальный в истории»¹⁶.

История со срывом совещания в Париже очень долго напоминала о себе: Хрущев предстал перед своими западными партнерами в совершенно незнакомом им образе, и с этого момента любое его предложение, любое действие рассматривались под углом эпатажного выпада в Париже в мае 1960 г. Со своей стороны, и сам Н.С. Хрущев не устал напоминать об этом инциденте зарубежным коллегам и журналистам.

Срыв «совещания в верхах» произвел международный фурор: первые полосы газет, пресс-конференции, отклики граждан, – несколько месяцев срыв саммита, а главное, поведение на нем Хрущева были основной темой всех средств массовой информации по всему миру.

Мы можем выделить несколько поведенческих приемов Хрущева, приведших к скандалу на парижской встрече:

1) выжидательная позиция (публичное высмеивание и обличение США);

2) активные провокации противника, «вызов на поединок» (эмоциональные нападки, подначивания, цель которых – добиться признания своей вины);

3) разочарование в партнере и проявление открытой конфронтации (личные претензии к противнику, сопровождаемые активными проявлениями эмоций).

Поведение Хрущева накануне парижской встречи сложно назвать логичным: вывод о том, состоится саммит или нет, было сложно сделать и его окружению, и американской стороне. Преследовал ли Хрущев цель срыва совещания или нет – вопрос, на который нет однозначного ответа. Так или иначе, все его поведение до, во время и после провальной встречи стало очередным подтверждением его эмоциональной натуры, неустойчивой психики и взрывного характера. Его склонность к скандалу и провокации в очередной раз была проявлена уже на таком «высоком» уровне.

«Н.С. Хрущев в ООН» – такая или близкие к этому вариации названия скандального события, происшедшего осенью 1960 г. в Нью-Йорке на 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, стало настоящим культурно-историческим кодом.

Международная обстановка накануне 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была довольно накаленной: «...это было самое напряженное время в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами»¹⁷. 15-я сессия знаменательна и тем, что «в истории ООН еще не было подобного собрания политических лидеров»¹⁸. Хрущев не скрывал своего удовлетворения и уже тогда задумал «взять реванш» за Париж и сойтись за столом переговоров с западными лидерами уже в ООН.

12 октября 1960 г. Хрущев, не отступая от своей традиции, выступил «с более чем 2-часовой речью... Досталось на орехи всем империалистам, особенно американским, которым он припомнил всех их прегрешения, включая и У-2»¹⁹. В этой речи он яростно жестикулировал (махал кулаком, грозил пальцем, периодически оборачивался к сидящему за его спиной председателю сессии словно за реакцией на свои восклицания).

Реакцию советского лидера на выступления других ораторов также сложно признать соответствующей регламенту ООН. Он громко возражал, кричал изо всех сил, барабанил кулаками по столу, пробовал топтать ногами.

Когда наконец ему дали слово, он вновь обрушился, не стесняясь в выражениях, с гневной обличающей речью на капитализм. Досталось и председателю сессии, попытавшемуся урезонить «возмутителя спокойствия».

А кульминацией происходящего стала легендарная история с ботинком. Устроив форменную обструкцию филиппинским

и испанским делегатам и другим «приспешникам империализма», Хрущев практически сорвал заседание сессии.

Судя по воспоминаниям Сергея Хрущева, его отец остался крайне доволен своим резонансным поведением, радуясь, что добавил «жизни в чопорную атмосферу ООН»²⁰. Желание «отомстить Эйзенхауэру», чрезмерная эмоциональность, собственное представление о том, как должно вестись парламентское заседание, – все эти факторы послужили запалом для «бомбы», взорвавшейся на 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Но не стоит сбрасывать со счетов и маску «смутьяна», которую время от времени надевал Хрущев, и списывать все на его взрывной характер. Сын Никиты Сергеевича отмечает, что «при всей своей кажущейся и не только кажущейся эмоциональности отец строго контролировал свои поступки»²¹.

Скандал, учиненный Хрущевым в октябре 1960 г. в Нью-Йорке, стал «последним всплеском» его активности в свете противостояния с Эйзенхауэром. На трибуне ООН советский премьер «отыгрался» по полной программе, превзойдя самого себя. Вся его деятельность, коммуникации, позиционирование – все было направлено на поддержание статуса «скандалиста», и он упивался этим статусом. Его поведение «не лезло ни в какие ворота»²², но не мешало ему самому «быть в восторге от представления».

Выбранный нами хронологический принцип скандалов неслучаен – проведенный анализ наглядно демонстрирует нарастание накала страстей (скандала).

Анализ трех ярких политических событий, которые обладают двумя общими критериями оценки: главный участник – Н.С. Хрущев – и широкий общественный резонанс как последующая реакция, позволяет прийти к следующим выводам.

Хрущев очень комфортно ощущал себя в дискурсе скандала. Он использовал различные речевые тактики, жестикуляцию, манеры поведения для достижения своей цели – устроить скандал и «почивать на его лаврах» (устраивать многотысячные пресс-конференции, инициировать соответствующие публикации в СМИ, «разоблачать» и «клеить» противника). Хрущев мастерски использовал манипулирование как основную коммуникативную стратегию: в ходе «кухонных дебатов» с Никсоном он вынудил последнего вступить в спор, хотя вице-президент этого не планировал; раскручивая скандал вокруг самолета-шпиона и последующего провала саммита, Хрущев с каждым новым витком заставлял правящие круги США и лично Эйзенхауэра играть по его правилам и предпринимать те или иные действия по его сценарию; наконец,

выступая в ООН, советский лидер восстал против всех своих «обидчиков», не обращая никакого внимания на дипломатические условности, провоцируя их на ответные реакции в нужном ему направлении.

Важно отметить, что скандал как вид политического нарратива Н.С. Хрущева не имеет строгого начала и конца: он словно переходит из одного состояния в другое (в ООН часто вспоминали провальную встречу в Париже, в 1961 г. после совещания на высшем уровне с Дж. Кеннеди Хрущева оценивали как человека, абсолютно владеющего собой, «спокойным поведением в Вене он дал достаточно доказательств тому, что он “в точности знал, что делал” на Генеральной ассамблее ООН осенью прошлого года и год назад в Париже»²³).

В качестве главного «злодея», главного нарушителя спокойствия и общественно-правовых норм, Хрущев являл собой чрезвычайно заманчивый объект. Он любил находиться в центре внимания, устраивать провокации и смотреть на результаты своих действий. Порой он действительно увлекался и доводил себя до иступления, а происходящие вокруг ответные события – до абсурда. На наш взгляд, один из наиболее ярких подобных примеров – тот факт, что «для многих... Хрущев – тот, кто стучал ботинком в ООН»²⁴.

Следовательно, скандал для Никиты Сергеевича был, с одной стороны, управляемым видом политической и международной коммуникации и возможностью «выпустить эмоции», с другой.

Примечания

- ¹ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. С. 272.
- ² Там же.
- ³ Хрущев С.Н. Рождение сверхдержавы: Книга об отце. М., 2003 С. 297.
- ⁴ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 454.
- ⁵ Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Никита Хрущев. М., 2012. С. 211.
- ⁶ Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 296.
- ⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0129. Оп. 44. П. 323. Д. 31. Л. 6.
- ⁸ Там же. Л. 7–8.
- ⁹ Трояновский О.А. Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997. С. 221.
- ¹⁰ Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010. С. 334.

- ¹¹ Таубман У. Указ. соч. С. 498.
- ¹² Там же. С. 497.
- ¹³ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 44. П. 323. Д. 31. Л. 14.
- ¹⁴ Аксютин Ю.В. Указ. соч. С. 335.
- ¹⁵ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 46. П. 120. Д. 32. Л. 137–168.
- ¹⁶ Громыко А.А. Памятное. М., 1990. С. 466–467.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 397. Оп. 1. Д. 58. Л. 11.
- ¹⁸ Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Указ. соч. С. 217.
- ¹⁹ Суходрев В.М. Язык мой – друг мой. М., 2008. С. 126.
- ²⁰ Трояновский О.А. Указ. соч. С. 231.
- ²¹ Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 381.
- ²² Таубман У. Указ. соч. С. 516.
- ²³ ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 43. Д. 421. Л. 92–93.
- ²⁴ Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 397.